ЯГЕЛЬНИЦКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

доцент кафедры гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент РШЧП, кандидат юридических наук

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ПРИНЦИПА ПОЛНОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ ГОСУДАРСТВОМ

Ответственность государства является относительно новым разделом учения об ответственности за внедоговорное причинение вреда. На протяжении XIX и XX вв. европейская юриспруденция окончательно отказалась от принципа безответственности государства («*The king can do no wrong*») и склонилась к необходимости возмещения вреда, причиненного гражданину действиями публичной власти. Хотя общее правило об имущественной ответственности государства возобладало, разные правопорядки демонстрируют различные подходы к широте оснований возмещения вреда, причиненного государством, и к кругу возмещаемых убытков. В статье рассматриваются некоторые техники, посредством которых судьи в России в отдельных делах серьезно деформировали принцип полноты возмещения убытков, являющийся фундаментальным принципом гражданско-правовой ответственности и подлежащий бесспорному применению к деликтам государства.

Ключевые слова: деликтная ответственность государства, убытки, основания гражданско-правовой ответственности, вина потерпевшего

1. Субсидиарность ответственности государства за вред, причиненный приставом-исполнителем. Причинение вреда судебным приставом-исполнителем является, по всей видимости, наиболее частым в российской практике случаем привлечения государства к гражданско-правовой ответственности. Одной из типичных ситуаций причинения вреда является следующая: в течение какого-то времени после обращения взыскателя в службу судебных приставов у должника

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17

ALEXANDER A. YAGELNITSKIY

Associate Professor of Civil Law Department at Lomonosov Moscow State University, Associate Professor of Russian Private Law School, PhD in Law

DEVIATION FROM THE PRINCIPLE OF FULL REPARATION FOR DAMAGE CAUSED BY THE STATE

Liability of the State is a relatively new chapter in the doctrine of tortious liability. In the 19th and 20th centuries, European jurisprudence abandoned the principle of sovereign immunity "the king can do no wrong" and supported compensation for individuals suffering damage as a result of wrongful acts by public authorities. Though the general rule of State liability has prevailed, different legal systems demonstrate different approaches to the scope of compensation for harm sustained and to the range of damages recoverable from the State. The article describes some of the techniques that have been used by judges to substantially deform the principle of full reparation for damage, which represents a fundamental principle of liability under private law and should certainly apply to public authority liability in tort.

Keywords: state liability in tort, losses, bases of civil liability, contributory negligence

было имущество, на которое можно обратить взыскание, однако в ходе негодно организованного исполнительного производства оно было утрачено.

Наряду с иными возражениями, которые могут быть заявлены Российской Федерацией по поводу иска о возложении на нее ответственности за вред, может быть также указано на то, что у взыскателя, помимо должника в исполнительном производстве, имеются и другие должники по этому обязательству, например в ситуации, когда обязательство должника в исполнительном производстве обеспечено поручительством.

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17

В одном из дел, рассмотренных Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда (ВС) РФ, Коллегия признала этот аргумент ответчика заслуживающим внимания[1]. Логика судей, признавших юридическое значение за наличием у взыскателя иных способов удовлетворения своего имущественного интереса (в данном случае посредством получения взыскания с основного должника и с другого поручителя), напоминает концепцию субсидиарности гражданско-правовой ответственности государства, существующую в Германии. В силу § 839 Германского гражданского уложения (ГГУ), если должностному лицу вменяется в вину лишь неосторожность, ответственность на него может быть возложена только в случае, когда потерпевший не мог получить возмещение другим способом. Профессор К. Олифант, рассматривая субсидиарность ответственности публичной власти в Германии, относит ее к специальным техникам ограничения ответственности государства[2].

Вместе с тем попытка (намеренная или случайная) воспроизведения концепции субсидиарности в отечественном праве не может не учитывать опыт ее существования в Германии. По всей видимости, наличие принципа субсидиарности намного более обусловлено конкретным историческим контекстом, чем взвешенным и осмысленным решением. При разработке ГГУ авторы намеренно отказались от регулирования вопроса об ответственности государства, вследствие чего § 839 посвящен исключительно ответственности конкретного должностного лица, причинившего вред. Логика установления принципа субсидиарности имущественной ответственности должностного лица (а не государства) состояла в том, чтобы государственный служащий не чувствовал себя чрезмерно скованным риском будущей ответственности. Лишь в последующем, на стадии конституционализации немецкого деликтного права, правила § 839 стали толковаться таким образом, что ответственность перелагается с конкретного должностного лица на само государство. Начиная с этого момента правило о субсидиарности имущественной ответственности государства подвергалось серьезной критике, поскольку утратило первоначальный смысл и в результате перестало соответствовать какой-либо конституционно значимой цели. В литературе отмечается, что судебная практика толкует правило о субсидиарности ответственности государства ограничительно: в частности, возможность получения удовлетворения из иного источника не имеет правового значения, если она является маловероятной или сопряжена с чрезмерными издержками для потерпевшего. В 1981 г. была предпринята попытка введения в силу закона ФРГ об ответственности государства, в котором принцип субсидиарности отвергался; однако этот закон был отменен Конституционным судом ФРГ по причинам, не связанным с существом предлагаемого регулирования[3].

Нельзя не обратить внимание, что даже если бы принцип субсидиарности в том понимании, которое изложено в § 839 ГГУ, был применен в рассмотренном ВС РФ в 2017 г. деле, вывод немецкого суда был бы, вероятнее всего, противоположным: немецкое понимание принципа субсидиарности предоставляет ответчику защиту лишь в том случае, когда орган или должностное лицо действовали небрежно, а в российском деле в отношении пристава был вынесен приговор, подтверждающий совершение умышленного преступления.

При этом российское право не содержит более или менее прямой нормы, из которой можно было бы вывести принцип субсидиарности, — в отличие от Германии, где норма об ответственности государства лишь в случае невозможности получения компенсации из другого источника прямо установлена в ГГУ. По причинам конституционно-правового характера есть серьезные сомнения в том, что этот принцип можно выводить путем толкования, далеко отстоящего от семантических рамок текста закона.

Установление принципа субсидиарности ответственности государства будет означать, пусть и косвенно, повреждение правила п. 1 ст. 323 Гражданского кодекса (ГК) РФ, в силу которого при солидарной обязан-

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.02.2017 № 305-ЭС16-14064 (далее по тексту — Определение от 15.02.2017).

[2] *Oliphant K*. The Liability of Public Authorities in Comparative Perspective // The Liability of Public Authorities in Comparative Perspective / ed. by K. Oliphant. Intersentia, 2016. P. 883.

[3] См.: *Dam C.C. van.* European Tort Law. Oxford, 2013. P. 543; *Spindler G., Rieckers O*. Tort Law in Germany. Wolters Kluwer, 2011. P. 66–67; *Бланкенагель А., Калинина И*. Возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями государства в ФРГ: от личной ответственности государственного служащего к ответственности государства через черный ход // Законодательство и экономика. 2005. № 12.

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17

ности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга. Из этого правила следует, что кредитор, действующий по своей воле и в своем интересе, самостоятельно выбирает, с какого из солидарных должников ему взыскивать долг. Кредитор может не желать получать взыскание от кого-то из солидарных должников, и право, безусловно, признает юридически значимый характер такого нежелания. Если верно, что в ситуации, когда пристав потерял имущество одного из солидарных должников, кредитор может получить возмещение лишь после того, когда он обошел всех остальных солидарных должников, то цитированное правило ГК оказывается недействующим.

В других случаях причинения вреда, когда оно не связано с действиями судебного пристава, суды к концепции субсидиарности не обращаются. Например, если директор юридического лица — банкрота совершил невыгодную сделку, он привлекается к ответственности несмотря на то, что юридическое лицо — банкрот имеет возможность возвратить выведенное имущество иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки[4].

> Таким образом, привнесение концепции субсидиарности в понятие вреда применительно только к причиненному государством вреду, строго говоря, вряд ли соответствует принципу участия государства в гражданском обороте на равных началах с иными лицами. Становится неясным, почему пристав может защищаться наличием у взыскателя другого способа получения удовлетворения, а бывший директор юридического лица — банкрота в мало отличающейся ситуации привлекается к ответственности.

Еще очевиднее недопустимость распространения идеи о возмещении государством вреда только в том случае, когда потерпевший не может получить вред из другого источника, на какие бы то ни было иные случаи причинения вреда. Ответственность государства регулярно возникает в связи с ненадлежащим надзором, который государство осуществляло за конечным причинителем вреда. Например, в случае побега заключенного из мест лишения свободы принцип субсидиарности ответственности государства (без той решительной телеологической редукции, которая была произведена в Германии) приведет к полному уничтожению ответственности государства за все неправомерные действия, связанные с ненадлежащим надзором: государство всегда будет ссылаться на возможность, пусть и чисто эфемерную, получить возмещение от лица, с надзором за которым государство не справилось.

2. Возможность выведения субсидиарности ответственности за действия пристава из толкования понятия «вред». Попытка судов в упомянутом деле отказать в иске к государству со ссылкой на гипотетическую возможность получения возмещения от другого источника теоретически может быть обоснована посредством толкования понятия «вред»: дескать, если сохранилась возможность реализации требования потерпевшего путем обращения с иском к другому солидарному должнику, вред не может считаться возникшим. Однако такой подход приводит к глубокому разлому между понятиями вреда, причиненного государством, и общегражданского вреда.

Как известно, в ГК РФ и разъяснениях ВС РФ твердо проводится идея о том, что условием возмещения является доказывание вреда и причинно-следственной связи не со стопроцентной, а с разумной степенью достоверности[5]. Такое допущение необходимо для нормального функционирования института убытков: оно, помимо прочего, направлено на разрешение конфликта между тягой суда к наиболее точному расчету убытков с целью избежать как недостаточной компенсации, так и неосновательного обогащения, с одной стороны, и институтом исковой давности, который пресекает судебную защиту давно возникших требований, — с другой. Правило о разумной степени достоверности

[4] Подбор аналогичных случаев отсутствия субсидиарности (в том смысле, в котором понимается субсидиарность ответственности государства) в отношении ответственности лиц, не являющихся государством, см.: *Тололаева Н.В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 117–119.

[5] См.: п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17

убытков имеет одной из своих целей не вынуждать потерпевшего тратить время на точное установление размера убытков, рискуя упустить давность.

Из правила о разумной степени достоверности убытков и причинно-следственной связи следует, что при обнаружении поручителя за должника, имущество которого потерял пристав, суду необходимо было бы озаботиться вопросом о том, хватит ли имущества поручителя для полного удовлетворения требований кредиторов. Если в ходе рассмотрения дела суд, применяя критерий разумной степени достоверности, установит, что у поручителя какое-то имущество есть, но его недостаточно для полного удовлетворения требований, суду следует удовлетворять иск, определяя размер убытков исходя из существа допущенного нарушения и требований разумности и справедливости.

Судя по Определению от 15.02.2017, это не действует в отношении вреда, причиненного приставом: если суд установит наличие поручителя за должника, это обстоятельство само по себе обусловит решение об отказе в иске, минуя стадию установления того, насколько вероятно получение возмещения от других солидарных должников.

Сразу же возникает вопрос: а если поручители за должника являются, например, иностранными юридическими лицами, обращение с требованием к которым может быть сопряжено с неразумными издержками, будет ли это достаточным основанием для отказа в иске к РФ о возмещении вреда, причиненного утратой ликвидного имущества российского содолжника? Далее возникает вопрос о пределах, до которых взыскатель должен пытаться взыскать имущество с других солидарных должников, чтобы исключить довод РФ об отсутствии вреда: нужно ли получить постановление судебного пристава об окончании исполнительного производства в отношении солидарного должника или следует обратиться с заявлением о банкротстве должника и довести эту дорогостоящую процедуру до конца? Или, возможно, нужно обойти всех контролирующих лиц солидарных должников (если они вдруг найдутся), привлечь их к субсидиарной ответственности, а потом возбудить и пройти процедуру их банкротства?

Поставленные вопросы, как представляется, демонстрируют невозможность выведения концепции субсидиарности ответственности государства через понятие вреда.

3. Широкое применение вины потерпевшего. Вина потерпевшего характеризуется как универсальное основание для снижения ответственности государства[6]. Однако в российском праве вина потерпевшего применительно к деликтам государства толкуется весьма расширительно. Нередким случаем вины потерпевшего от деликта государства считается выдача разрешения на строительство в ситуации, когда строительство на этом участке вообще запрещено. Суды, рассматривая споры о взыскании с государства убытков, выразившихся в расходах на возведение и снос самовольной постройки, нередко обнаруживают вину потерпевшего, который якобы сам мог обнаружить, что в силу градостроительных норм и правил строительство объекта с такими параметрами в соответствующем месте запрещено[7]. Такой подход вызывает серьезные сомнения: в подавляющем большинстве случаев градостроительная документация полна неясностей и противоречий, и перекладывать на застройщика даже в какой-то части риск ошибки государства, которое, во-первых, является источником всех неясностей и противоречий градостроительного регулирования, а во-вторых, обладает значительно бóльшим инструментарием для прояснения этих туманностей, не представляется правильным.

Другой случай необоснованного, по нашему мнению, расширения вины потерпевшего можно увидеть в Определении от 15.02.2017, когда суд отказал во взыскании вреда, причиненного взыскателю незаконным снятием ареста с имущества приставом-исполнителем, сославшись среди прочего на два обстоятельства: 1) истец не обеспечил регистрацию в ЕГРН одного из арестов, который был ранее наложен на спорную недвижимость; 2) истец не обжаловал в апелляционном порядке решение суда общей юрисдикции, которым было отказано в признании недействительной сделки по продаже ранее арестованного имущества по цене в несколько раз ниже его стоимости.

Полагаем, что в действительности ни одно из приведенных ВС РФ оснований не могло быть основанием

[6] См.: *Oliphant K.* Op. cit. P. 872.
[7] См., напр.: постановление АС Северо-Западного округа от 14.04.2015 № Ф07-4381/2014 по делу № А05-13997/2013.

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17

для снижения размера причиненного вреда. Это связано с тем, что для снижения суммы возмещения ввиду вины потерпевшего необходимо, чтобы виновные действия потерпевшего находились в причинно-следственной связи с возникшим вредом. Те соображения, на которые сослался высший суд в рассматриваемом Определении, в причинно-следственной связи с вредом не состоят. В отношении первого из оснований, на которые сослалась Коллегия, нельзя не отметить, что суд не привел никаких аргументов в пользу того, что пристав, действующий незаконно, не мог снять и первый из наложенных арестов. Второе из оснований не находится в причинно-следственной связи с причиненными взыскателю убытками потому, что не видны очевидные причины, в силу которых результат апелляционного рассмотрения дела мог бы привести к удовлетворению требований взыскателя.

Особенностью правила ст. 1083 ГК РФ является весьма широкая дискреция суда. Суд наделен широкими правомочиями по оценке того, является ли небрежность потерпевшего простой или грубой; кроме того, установив грубую небрежность потерпевшего, суд имеет широкое усмотрение в определении процентного соотношения частей вреда, падающих соответственно на умысел или небрежность причинителя и на грубую неосторожность потерпевшего. Усмотрение суда в деле установления доли вины потерпевшего во многом зависит от фактических обстоятельств и сложно подвергается анализу, что дает возможность серьезно снижать суммы возмещений истцам[8].

По всей видимости, исходя из смысла ст. 53 Конституции и ст. 1069 ГК РФ, оценка вины потерпевшего применительно к деликтам государства должна быть максимально осторожной. В отличие от обычных частноправовых отношений равноправных и независимых субъектов, деликт государства всегда включает в себя неправомерное действие власти в публично-правовой сфере.

> Возможности частного лица противостоять злоупотреблению или неверному применению публичной власти ограниченны, что, как видится, должно обусловливать крайне тяжелое бремя доказывания грубой неосторожности потерпевшего, которое возлагается на ответчика.

Поэтому думается, что во всех случаях, когда государство ссылается на вину потерпевшего, ему необходимо доказать по меньшей мере следующие обстоятельства. Обосновывая вину потерпевшего, ответчик должен доказать, что потерпевший имел не только правовую, но и фактическую возможность совершить действия, направленные на предотвращение или снижение вреда, а также что некий средний потерпевший, подвергшийся злоупотреблению властью такого вида, обычно совершает такого рода действия. Помимо этого, при обосновании причинно-следственной связи между бездействием потерпевшего и убытками ответчику надлежит доказать, что гипотетически возможные действия истца с высокой долей вероятности привели бы к снижению суммы вреда.

4. Убытки за некачественную организацию государственного управления. Основаниями ответственности государства являются две относительно разнородные группы случаев. К первой относятся ситуации, когда установлено конкретное должностное лицо, совершившее незаконное действие или бездействие, и установлена норма, нарушенная таким должностным лицом. Ко второй группе относятся ситуации, когда конкретное должностное лицо не установлено, однако результат функционирования государственного аппарата приводит к результатам, нетерпимым с точки зрения правопорядка.

В сравнительно-правовой перспективе при рассмотрении вопроса о плохой организации государственной функции выделяются Англия и США: в этих юрисдикциях имеются причины, в силу которых бездействие власти, даже приведшее к причинению вреда, может не дать права на возмещение: жесткое проведение принципа разделения властей и сопутствующее ему нежелание судов, пусть и косвенно, вторгаться в дискрецию исполнительной власти; сама по себе ответственность за упущения в общей системе права не-

[8] См., напр.: постановление АС Волго-Вятского округа от 24.07.2015 № Ф01-2034/2015, Ф01-1809/2015 по делу № А11-4569/2012 // СПС «КонсультантПлюс» (должник, имущество которого было оценено приставом в несколько раз ниже рыночной стоимости и продано с торгов, потребовал возмещения убытков с РФ. Вина должника в том, что заявление об оспаривании действий пристава было подано без необходимых приложений и оставлено без движения, а также в том, что он не обратился к приставу за приостановлением исполнительного производства. Соответственно, вина потерпевшего — 70%, вина причинителя вреда — 30%).

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17

сколько затруднена ввиду существования понятия *duty of care* и каждый раз требует отдельного обоснования; враждебное отношение этих юрисдикций к возмещению чисто экономических убытков, которые часто являются последствием бездействия власти[9].

В литературе отмечается, что серьезным достижением Конституции 1993 г. и ГК РФ является прямое включение ответственности государства за действия не только должностного лица, но и за действия органа, что исключает необходимость для истцов доказывать точечное незаконное действие или бездействие конкретного должностного лица[10].

Однако нельзя признать, что судебная практика в полном объеме восприняла это достижение.

> По всей видимости, арбитражные суды в большей части дел приходят к выводу о том, что неизвестность конкретного лица, допустившего неправомерное действие, и сложность индивидуализации такого действия и квалификации его как незаконного при условии неправомерности конечного результата деятельности государственного органа, не является основанием для отказа в иске.

Так, в доктрине указывается, что по делам об ошибках в информационных системах практика сформировалась в пользу заявителей: несмотря на невозможность установить конкретное лицо, в результате действия которого информационная база предоставила недостоверную информацию, которая в итоге оказалась вредоносной, иски достаточно часто удовлетворяются[11].

Позиция судов общей юрисдикции не столь очевидна. Среди примеров отказа в исках потерпевшим от плохого управления можно привести достаточно устоявшуюся практику по делам о заражении заключенных, находящихся в местах лишения свободы[12]. Возможность заключенных представить доказательства конкретного действия конкретного должностного лица (например, врача тюремной больницы или сотрудника службы исполнения наказаний, не обеспечившего безопасность заключенного) затруднена по двум очевидным причинам: во-первых, заражение какой-либо инфекцией, как правило, становится очевидным позже наступления самого факта заражения, и при этом в жизни заключенного после события, которое явилось причиной заражения, могло иметь место множество других обстоятельств, которые гипотетически также могли выступить причиной заражения; во-вторых, лица, находящиеся в местах лишения свободы, объективно лишены возможности собирать и представлять доказательства в необходимом объеме.

В связи с изложенным всё, на что остается ссылаться лицам, которые заразились соответствующими инфекциями, — это некачественное государственное управление системой исполнения наказаний, не обеспечивающее необходимого уровня личной безопасности потерпевших. Российские суды в основной массе дел отказывают в удовлетворении исков такого рода по причине недоказанности конкретного неправомерного действия конкретного должностного лица.

Интересно, что к причинителям вреда, не являющимся государством, как правило больницам, применяется иной подход: суды достаточно часто удовлетворяют требования потерпевших, предположительно зараженных в больницах, хотя и в подобных делах истец по причинам объективного характера также не может стопроцентно точно указать конкретный момент заражения[13].

> Представляется, что практика, сложившаяся в отношении ошибок информационных систем, должна распространяться и на все «системные» ошибки государственной власти.

При этом несоответствие закону результата взаимодействия гражданина и государства само по себе должно считаться достаточным для констатации и

[9] См.: *Oliphant K.* Op. cit. P. 869.

[10] См.: *Маковский А.Л.* Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы, теория, практика: сборник памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998. С. 67–112.

[11] См.: *Маркелова А.А.* Государственный орган причинил вред. Как доказать противоправность и взыскать убытки // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 8. С. 78–79.

[12] См., напр.: апелляционные определения Красноярского краевого суда от 01.08.2016 по делу № 33-10166/2016, от 05.10.2016 по делу № 33-13724/2016; Верховного суда Республики Калмыкия от 17.10.2013 по делу № 33-1639/13.

[13] См.: Обзор Красноярского краевого суда от 24.04.2006 «Обзор практики рассмотрения судами Красноярского края споров, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг» // СПС «КонсультантПлюс».

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17

вины, и противоправности поведения государства в лице его органов или должностных лиц. Распространение такой практики на все случаи неудовлетворительного функционирования государства как системы, как представляется, имеет под собой серьезное теоретическое обоснование, связанное с переосмыслением места и роли государства в жизни общества, в результате которого государство из суверена, диктующего и навязывающего свою волю гражданам, стало восприниматься как организация, которому общество делегировало оказание ряда услуг.

5. Роль описанных ограничителей в балансировании ответственности государства. Можно было бы предположить, что описанные выше ограничители вырабатываются российской судебной практикой с целью исключить неумеренно широкую ответственность государства за причиненный им вред. Однако российское право и без таких ограничителей предусматривает вполне комфортное для государства регулирование его ответственности.

Так, хотя российский ГК РФ не содержит прямого ответа на вопрос о возможности возложения на государство ответственности за вред, причиненный неконституционным законом, сравнительно недавно Конституционный и Верховный суды РФ дали отрицательный ответ на него при рассмотрении дела об ответственности государства за незаконное наложение на авиаперевозчиков обязанности по дополнительному социальному обеспечению членов экипажей летных судов[14]. Необходимо отметить, что идея об отсутствии ответственности государства за неконституционные законы распространена не только в России, но и, например, Германии и США.

Далее, из всей палитры решений вопроса о вреде, причиненном некачественным отправлением правосудия, которую предлагают европейские правопорядки, российский законодатель выбрал один из самых жестких вариантов. Для привлечения судьи к ответственности необходимо, чтобы судья действовал заведомо виновно, т.е. с прямым умыслом, и чтобы вина судьи была установлена вступившим в законную силу приговором суда либо иным судебным актом. Если первое из названных ограничений — наличие прямого умысла в действиях судьи — встречается в иностранных правопорядках, то второе выглядит достаточно необычным; особенное значение приобретает то обстоятельство, что установление вины судьи в рамках уголовного дела сопряжено со множеством сложностей, связанных с особым порядком возбуждения уголовных дел в отношении судей, что, полагаем, может рассматриваться как едва ли преодолимый для потерпевшего барьер на пути применения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный правосудием.

> В связи с названными обстоятельствами ответственность государства за издание неконституционного закона и за неправосудные решения выхолощена, а актами власти, которые могут дать реальный повод для гражданско-правовой ответственности, являются только действия в сфере реализации исполнительной власти.

Но и в этой области гражданско-правовая ответственность государства в значительной мере ограничена: необходимость установления и вины, и противоправности поведения государства (ст. 1069 ГК РФ) позволяет приходить к удовлетворительным с политико-правовой точки зрения результатам и без использования описанных выше сомнительных ограничительных механизмов.

Нельзя не учитывать и того, что российский законодатель достаточно свободно относится к институту изъятия имущества для государственных и муниципальных нужд, который важен при определении функциональной нагрузки ответственности государства. Наряду с обычными ситуациями изъятия, предусмотренными ГК РФ, во многих специальных законах установлен упрощенный порядок изъятия имущества. Этот порядок, как правило, объявляет правомерными действия государства, которые в отсутствие специального закона считались бы незаконным изъятием имущества и давали бы основание для обычного деликтного иска, и устанавливает специальные способы исчисления размера возмещений за изъятое имущество, которые нередко оказываются более благоприятными для государства, чем общее правило.

С учетом изложенного следует сказать, что периодически проявляющиеся в судебной практике попытки ограничения ответственности государства посредством исключения ответственности за некачественное

[14] См.: *Калинина И.В.* Возмещение неконституционных налогов: на пороге нового права // Налоговед. 2016. № 9.

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17

государственное управление, введения чуждого российскому праву понятия субсидиарности ответственности государства и расширительного толкования вины потерпевшего являются лишними элементами в балансировании интересов частных лиц и государства, необоснованно смещающими баланс в пользу последнего.

References

Blankenagel', A. and Kalinina, I. "Compensation for Harm Caused by Wrongful Acts of the State in the Federal Republic of Germany: from Liability of an Individual Official to Liability of the State via the Back Door" [*Vozmeshchenie vreda, prichinennogo nepravomernymi deystviyami gosudarstva v FRG: ot lichnoy otvetstvennosti gosudarstvennogo sluzhashchego k otvetstvennosti gosudarstva cherez chernyy khod*]. Law & Economics [*Zakonodatel'stvo i ekonomika*]. 2005. No. 12.

Dam, C.C. van. European Tort Law. Oxford, 2013. 656 p.

Kalinina, I.V. "Refunds of Unconstitutional Taxes: On the Threshold of a New Right" [*Vozmeshchenie nekonstitutsionnykh nalogov: na poroge novogo prava*]. Tax Expert [*Nalogoved*]. 2016. No. 9. P. 52–59.

Makovskiy, A.L. "Civil Liability of the State for Official Public Acts" [*Grazhdanskaya otvetstvennost' gosudarstva za akty vlasti*], in: Makovskiy, A.L. (ed.). Russian Civil Code. Problems, Theory and Practice: Collected Studies in Honour of S.A. Khokhlov. [*Grazhdanskiy kodeks Rossii. Problemy, teoriya, praktika: Sbornik pamyati S.A. Khokhlova*]. Moscow, 1998. P. 67–112.

Markelova, A.A. "Damage on the Part of Public Authorities: Proof and Recovery" [*Gosudarstvennyy organ prichinil vred. Kak dokazat' protivopravnost' i vzyskat' ubytki*]. The Commercial Litigation Review [*Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*]. 2017. No. 8. P. 74–85.

Oliphant, K. "The Liability of Public Authorities in Comparative Perspective", in: Oliphant, K. (ed.). The Liability of Public Authorities in Comparative Perspective. Intersentia, 2016. P. 587–618.

Spindler, G. and Rieckers, O. Tort Law in Germany. Wolters Kluwer, 2011. 148 p.

Tololaeva, N.V. Passive Solidary Obligations: Russian Approach and Continental European Tradition: PhD Thesis in Law [*Passivnye solidarnye obyazatel'stva: rossiyskiy podkhod i kontinental'no-evropeyskaya traditsiya: dis. nasoiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk*]. Moscow, 2017. 174 p.

Information about the author

Alexander A. Yagelnitskiy

Associate Professor of Civil Law Department at Lomonosov Moscow State University, Associate Professor of Russian Private Law School, PhD in Law (e-mail: a.yagelnitskiy@yahoo.com).

Loaded: 05-05-2024 PMt 16:54:17